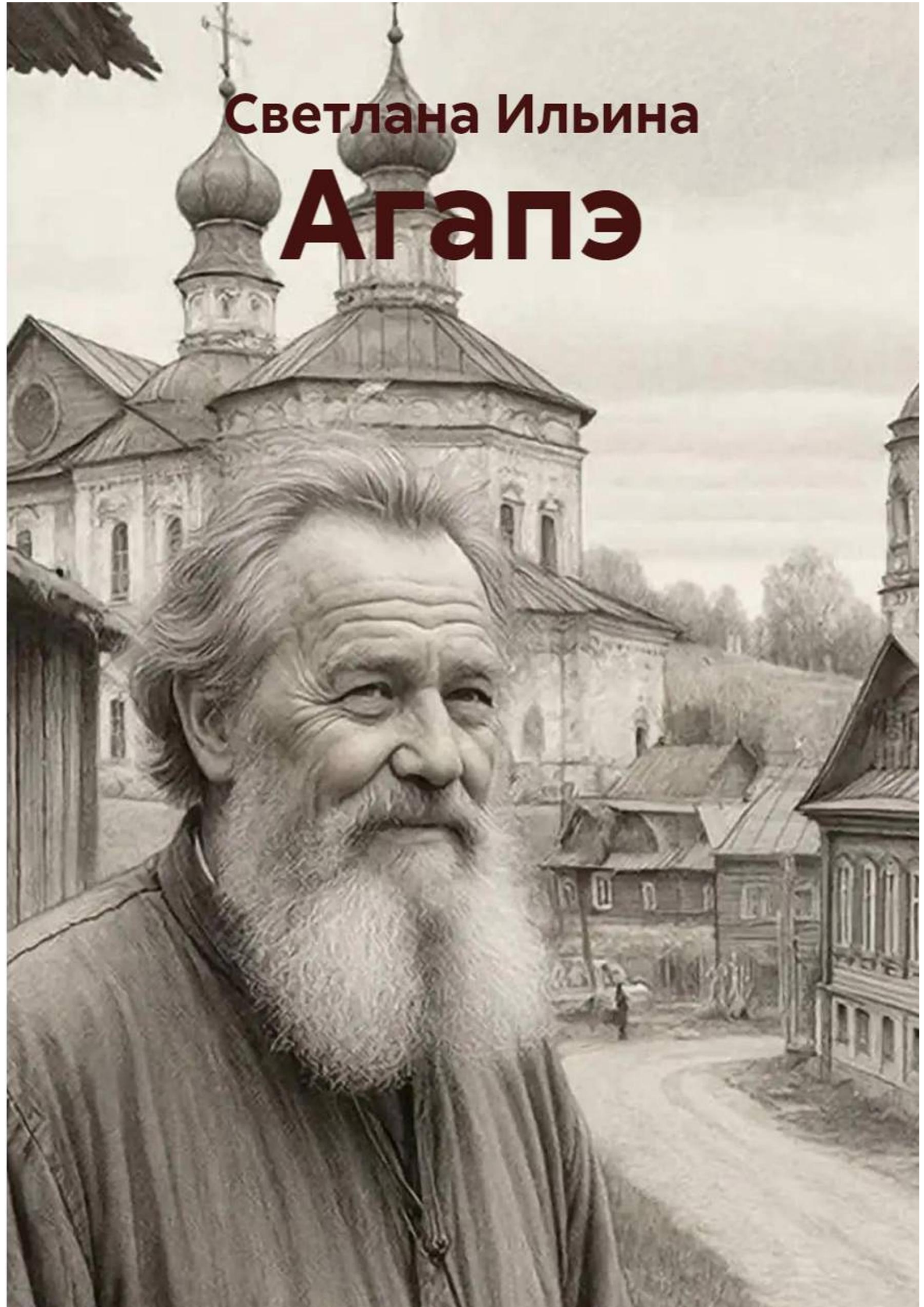

Светлана Ильина

Агапэ

Светлана Ильина

Агапэ

«Автор»

2026

Ильина С. В.

Агапэ / С. В. Ильина — «Автор», 2026

Как не сбиться с пути в страшные годы перемен? После революции отец Елизарий, обычный сельский священник, остаётся верен своим взглядам на добро и зло. Однако его духовный сын Иван мечется, как многие русские люди в то далёкое, смутное время, одурманенные лозунгами и обещаниями большевиков. Душа Ивана жаждет любви, и ради неё он готов на любые подвиги. Но что делать, если любовь несчастливая? Где тогда найти тот истинный смысл жизни, ради которого можно и умереть? Отец Елизарий подсказывает его, а Ивану остаётся либо принять, либо отречься и от смысла, и от себя.

© Ильина С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Ильина

Агапэ

Пролог

Византия. Осень 602 года. Грубый и свирепый сотник Фока жестоко убил императора Маврикия, его сыновей и приближённых и захватил власть.

Ликующая толпа жаждала перемен и приветствовала его в безумном ослеплении:

— Христе, услыши нас! Да живёт император Фока и императрица Леонтия!

Однако низкорослый, рыжий, с густой бородой и широкой грудью, с обезображенным шрамом лицом, Фока, более походивший на варвара, чем на императора ромеев, вскоре заставил граждан с плачем вспоминать о временах свергнутого и убитого Маврикия. Позднее и бесплодное раскаяние охватило византийцев *«с тех пор, как во дворец вторгся этот калидонский тиран, закованный в железо, этот полуварвар из племени киклопов, этот распутный кентавр, для которого царский престол был лишь ареной для пьянства»*.

(Визант. историк Феофилакт Симокатта VII век)

Некий богоносный муж, имеющий дерзновение к Богу, услышав о царских злых делах, возопил ко Господу:

— Господи Боже! Чего ради Ты прогневался на народ Свой и послал такого царя-тирана? За что такое наказание? Чем провинился народ Твой, что Ты предал его во власть такого кровожадного волка?

И было сему богоносному мужу от Бога откровение:

— Много-де Я старался найти царя похуже, чтобы наказать народ за его своеволие, но не мог обрести хуже Фоки. Ты же впредь не искушай судеб Божьих.

(Хронист Дорофей Монеувасийский)

Глава 1

Руки Елизария слегка дрожали. Он ощущал холод и приятную гладкость серебра, но смотрел не на дорогой оклад, а на ласковый лик Богородицы, прижимавшейся щёчкой к Божественному Сыну.

— Радуйся, Матерняя щедроты Твоя на нас изливающая, радуйся, отчаянным надежду возвращающая, — шептал он слова акафиста, смахивая непрошенные слёзы.

Оранская или Владимирская икона оделась в дорожную, бесценную по нынешним временам ризу и ещё лежала на престоле, ожидая почётно́го места на иконостасе. Долгонько прихожане собирали средства. Елизарий уж и не надеялся, что доберёт нужную сумму. Ан нет, с начала Великой войны доброхотов и молитвенников даже прибавилось — смертушки да суда Божьего все боятся. Небось на этом свете проживут без веры, а уж на том не получится.

— Показывать Тебя, Матушка, или спрятать до лучших времён? — шептал Елизарий, благоговейно поглаживая тонкие ручки Богородицы, — а вдруг соблазнятся да украдут? Как же мы без Тебя останемся? Времена нынче, Сама ведаешь, тяжёлые, без Твоей помощи никак. С войны кто вернулся — того и не узнать: вроде свой, а смотрит ровно зверь дикий. Как царя-батюшку скинули, так и взбесился народец. Ещё и в Петрограде переворот учинили, мало им революции. Сколько ж это будет продолжаться? — вздохнул он, посмотрев в тёмное зимнее окно.

Икону привезли из города тайно. Елизарий растолкал старичка-сторожа и велел открыть храм без лишних вопросов. Мастеровой дождался, пока тот уйдёт обратно в сторожку, и по знаку Елизария внёс святыню в храм. Заплатив остаток за работу да за дорогу, Елизарий благословил паренька и отпустил, наказав никому не рассказывать.

— Что ж я, не понимаю? Вот те крест, отче, — забожился было тот.

— Ладно, не божись, верю-верю, — спровадил его Елизарий. Уж больно не терпелось развернуть холстину.

И вот теперь, разглядывая икону, он засомневался, нужно ли её показывать?

— Нет, Матушка, от татей мы Тебя, конечно, охраним. Ставни на окнах надёжные, а двери и подавно. Только нынешние воры-разбойнички и среди бела дня придут. С войны, почитай, чуть ли не все с оружием возвратились. Ну не драться же мне с ними, — вздохнул Елизарий, — и не по чину, и не по силам мне. Так как же быть-то?

Буммм! Елизарий подумал, что почудилось. Но нет... Бумм, бумм, бумм..

— Да что ж такое? Кто в набат ударяет? — всполошившись, он выбежал на улицу, глянуть на колокольню.

В темноте звонаря видно почти не было, но каким-то шестым чувством Елизарий понял, что это Сенька-дурачок.

— Ты что же делаешь, ирод? Чего народ полошишь? — стоя внизу, кричал Елизарий. Однако слова его покрывал звучный гул.

Всполошённый сторож выскочил из сторожки и подбежал к Елизарию:

— Никак пожар, батя?

— Да нет никакого пожара, — с досадой прокричал он, — народ полошит только зря...

Нет, не зря, — прозвучало в душе, — не зря...

Сенька всё звонил, но Елизарий уже не ругался, всё осознав.

— Зажигай-ка ты паникадило, брат, — повернулся он к сторожу, — будем молебен служить.

— Ночью? — вытаращил глаза тот. — Не Рождество, чай, и не Пасха.

— Вторая Пасха у нас. Матерь Божья пришла.

Народ прибежал с вёдрами, еле одевшись: мужички полушубки на тельняки накинули, бабы и волосы не успели прибрать. Каково же было их удивление, когда они увидели открытый, ярко освещённый храм, и Елизария в полном облачении, ожидавшего их в притворе.

— Матерь Божия посетила нас, православные! Будем молиться!

Как были в исподнем, так и построились для поклонения иконе, установленной посреди храма. Ропот тут же смолк, и даже те, кто и не ходил на службы, не мог не приложиться к святыне. Серебряный оклад с полудрагоценными камнями, освещаемый десятками свечей, блистал, притягивая взгляд. На молебне мужики и бабы стояли как приворожённые, не отрывая глаз от Оранской иконы, истово молясь и крестясь на радость Елизарию.

Ему не хватало лишь чтеца — Ивана. Тот, повоевав пару лет, вернулся после лёгкого ранения возмужавшим и даже поумневшим, но в церковь ходить перестал, всё шатался где-то, бедовый. Не было его и сегодня. Звал его Елизарий обратно, совестил, да всё бестолку — тот лишь отмахивался.

— Отец, чего ты лезешь со своим Богом? И так надо мной товарищи смеются, мол, дьячок-дурачок. Я работу в городе нашёл, — упрямо тряхнув светлой чёлкой, отрезал он.

Что за работа — Елизарий не спрашивал. Его больше заботило, что он остался без чтеца. Выручал староста Назар Ермолаевич. Читал он солидно, громко, но уж больно медленно, почти по слогам. Прихожане косились, однако терпели.

В конце молебна, Елизарий вышел на солею и оглядел народ.

— Вот, дорогие мои, когда-то давным-давно угодно было Пресвятой Богородице освятить явлением Своей иконы Славену гору. Место там было страшное. Тёмный, непросвещённый народ устраивал там мольбища языческим богам. Теперь там не Славенова гора, а Оран-поле, а вместо языческого капища Оранский монастырь. Наша икона — это список с чудотворной иконы. Теперь мы сделали ей достойный оклад. Сколько чудес сотворила Матерь Божия! Сколько солдатиков спасла Она по вашим молитвам! Так ведь, православные?

Бабы плакали, кивая. Мужички крестились. Елизарий почувствовал, что впервые за последний год их сердца были доверчиво открыты.

— Каюсь, что сомневался я, показывать ли вам эту святыню, — вдруг признался он и посмотрел на хитро улыбающегося Сеньку-юродивого, — но Сама Матерь Божия дала знак мне, что обязательно нужно показать. Не мы распоряжаемся этой иконой. Сама Богородица теперь будет блюсти её. Будем достойны мы — будет и икона среди нас, а нет — уйдёт, тогда и с нами, что будет — один Господь ведает.

Ошибался Елизарий — Иван был в храме. Стоял он в тёмном уголке, никому не видимый. Уж он знал храм как свои пять пальцев. Считай, с детства здесь. Сначала отцу помогал, потом Елизарию. А только сейчас не до службы ему было, даже к иконе не приложился, хотя и тянуло. Нет, сегодня он смотрел в другую сторону — на девушку. Марью. Так их и дразнили в детстве — Иван да Марья. С её именем всю войну тяжёлую прошёл, думал-мечтал, как придёт с фронта да сватов пошлёт. Однако Марья ещё согласия не дала.

— Обожди, Ванька, я ещё не решила, кто мне больше люб — ты али кузнец, — со смешком огорошила она, накручивая на палец рыжий локон, выбившийся из косы.

Они прятались за сараем. Осеннее заходящее солнце последними лучами освещало её лицо. Вся-то она была солнечная, в веснушках на круглых щёчках, волосы — чисто огненные, губки алые прикрывали мелкие белоснежные зубы. Хохотушка и первая на селе певунья, она будто канатом привязала к себе Ивана. Только знал он, что отец её завернёт его сватов — уж больно важный был Михаил Андреевич. Знал и то, что к нему относился плохо, не уважал, потому как Иван вместе с отцом, служа в храме, богатства не нажил.

— Ты же обещала? — вспыхнул он.

— Что? Не брешь, ничего я не обещала. Ты когда на войну ушёл, мне всего пятнадцать было. Что я могла понимать, дурочка?

— А сейчас, значит, поумнела? — мрачно спросил Иван.
Зелёные глаза Марьи хитро сощурились.

— Может, и так. А вообще-то, ты обещал, что на работу устроишься, чтобы нам сразу в город переехать. С отцом уж больно тяжело жить, — со вздохом поведала она.

— Так я устроился, Марья, — горячо зашептал Иван, подходя ближе к девушке и беря её за руку, — скоро мне и комнату в городе дадут, а ещё... — он подбоченился, — кожаную куртку обещали подарить.

— Кожаную? — Марья вдруг нахмурилась. — Так ты куда устроился? В охранку, что ли?

— Охранка при царе была, а сейчас всё по-новому. Военно-революционный штаб у нас. Ясно?

Знала бы Марья, сколько раз он упражнялся выговаривать чужеродные слова.

— А-а, — протянула она, — и что же... ваш штаб делает? Заседает али что?

Иван хмыкнул.

— Скажешь... Мы с бандитами да с контрой боремся.

Вздыхнув, Марья покосилась на родительский двухэтажный дом и тихонько высвободила руку.

— Денег небось не шибко заработаешь, вот если б торговлишкой промышлял... Отец согласия не даст.

— Увидишь, приеду через месяц, не узнаешь меня, — сердито ответил он.

Вот и приехал. Домой к девушке зайти не решился, всё стоял-высматривал, не выйдет ли Марья. Так и стоял до вечера, совсем замёрз в плохоньком полушубке — зима выдалась морозной. Тени от забора становились всё длиннее, в деревенских избах свет зажгли, а её всё не было.

— Неужто не покажется? Договорились же...

Днём встретились в лавке. Марья зашла первой — он за ней.

— Выйдешь вечером? — шепнул он, — буду ждать возле сарая.

Она только зыркнула изумрудными глазами, ответить при лавочнике, наострившем уши, постеснялась.

И вот он ждал. А тут вдруг набат... И Марья, и родители кинулись первыми, благо, жили ближе всех. За ними побежал и Иван. Теперь снова в тени стоит и ей любитесь.

Марья за два года ещё больше вытянулась, фигурка что тебе статуэтка, какие господа на полки ставят, а уж лицом всегда была любя...

— Марья, Марья, люблю тебя, — шептал он.

Она словно почувствовала — заозиралась, платок поправила, плечиком повела...

— Нет, с согласия твоего отца или без, а будешь ты моей. Декрет не даром выпустили — теперь родителей спрашивать не обязательно. Да и венчаться тоже. Комнату в новом году уж точно дадут, туда я тебя и увезу, — повеселев, решил Иван.

Глава 2

Рождество Христово всей деревней готовились справлять шумно, будто и не было ни революции, ни войны. Правда, мужиков поубавилось и прибавилось чёрных вдовьих платков. Но в целом за три военных года деревня без дикого пьянства и драк будто даже похорошела. Из города приезжала мануфактурная лавка, и на пособия за мобилизованных кормильцев бабы покупали и патефоны, и картины, и наряды. Так было до осени 1917 года. После революции в воздухе повисло странное волнение или растерянность — что же дальше? Что новая власть придумает? Однако пока всё шло по-старинке.

На праздничной обедне на радость Елизарию набился полный храм. Чудотворная икона посверкивала серебряным окладом с разноцветными камнями, и Божия Матерь, будто Царица в дорогом одеянии, милостиво оглядывала приходящих к Ней.

Всё было чинно, если бы не Сенька-дурачок. Давно уж Елизарий хотел с ним поговорить, а тот будто прятался от него. А если и сталкивался с Елизарием, то всё загадки загадывал:

— Ходит хам по лавке в каменной рубашке. Выйди, хам, вон! Чуешь, Елизарий? Выгоняй хама!

Слышал Елизарий когда-то эту загадку про дым, да только Сенька так яростно в окно грозился своей клюкой, что чувствовалось, что хамом он человеческую душу называет.

— Скажи толком, мил человек, — не выдержал Елизарий, — чего тебе Господь-то открыл? Кто хам-то?

Но Сенька только хитро улыбался и, затянув покрепче верёвку на худых, протёртых штанах, быстро шлёпал босыми ногами восвояси.

А сегодня новый номер выкинул — принёс в храм с улицы целый мешок щепок и стал возле каждой иконы рядом класть, будто подарок какой.

— Ты что же, охальник, делаешь? — возмутились бабы, — чего тут мусоришь? А щепки зачем? Никак пожар решил устроить? А ну, кыш отсюда!

Назар Ермолаевич всё слышал, но не мог отлучиться из алтаря.

— Что там Сенька-то опять учудил? — после службы устало спросил Елизарий, снимая облачение.

— Так это... давай, отец, помогу... Сенька-стервец возле каждой иконы щепок набросал... Убирай теперь за ним. Вот ведь дурень.

— Не скажи, Назар, — покачал головой Елизарий, — не простой он дурень, а человек Божий. Знак это.

— Скажешь тоже, батя, — Божий... Обыкновенный умалишённый, а ты — знак, знак... Что за знак-то?

— После поймём. Пошли, Назар, помогу тебе убрать.

— Да иди домой уж, отец, бабы приберут. А гармошку-то слышишь? Ишь, наяривает Петька Ломовой. На левой руке два пальца осталось, а играет, будто пятью.

В худое, щелястое алтарное окно донеслась залихватская музыка с площади возле трактира. Несмотря на рождественский мороз, деревенские веселились. Елизарий усмехнулся.

— С войны вернулся, чего ж не радоваться? Да и вообще — праздник всё-таки.

Однако сам Елизарий не особо радовался. Как началась Великая война, так и навалилась на сердце тяжесть. Молился он вместе с бабоньками за их благоверных, а у самого душа скукоживалась от скорбных мыслей, от того, что вокруг творилось. Изменился народец, озлобился. То ли после войны, то ли после революций этих проклятых мужик стал на себя не похож — ни тебе сердечности, ни простоты. В глазах появилась настороженность, будто у зверей диких.

В городе пошли аресты. Елизарий волновался за Поликарпа — всё ж царской власти служил. Арестовать его могли со дня на день. А ещё нет-нет и прорывались слухи про убитых священников да разорённые храмы.

Боялся ли и он смерти? — спрашивал себя Елизарий, — наверное, да, как все... Но душа плакала не из страха за свою жизнь, а за Россию... Тяжелее всего, тяжелее страха смертного было людское озлобление, что подобно ядовитому туману расползлось по городам и весям. Не осуждал Елизарий людей, но не скорбеть не мог. Ясно видел, что, подобно допотопному человечеству, висел над Русью приговор Божий.

— Летим в тартарары, Господи, — шептал он на молитве, чувствуя собственную бездержновенность, — и знаю, что не Ты, а мы, окаянные, от Тебя отдаляемся. Господи, а где же Твоя любовь? Не изменился же Ты, Господи... Пресвятая Богородица, неужто нет надежды?

Умоляющий голос его казался одиноким и слабым, бессильно падающим на землю.

Радовала лишь Оранская икона Божией Матери. Будто поднятое знамя в разгар битвы, она влила новую жизнь в приход. И как это он хотел её под спудом скрыть, безумный? Хорошо, тогда Сенька в набат вдарил...

Поскрипывая валенками по хрустящему снежку, Елизарий в раздумьях дошёл до дома и остановился, поражённый.

В маленьком саду, где кроме старых яблонь и груш ничего и не росло, приключилась неприятная оказия — корявая ветка высокой груши под тяжестью налипшего снега сломалась, упала на дом, да и зацепилась за крышу.

— Хорошо хоть стекло цело, — оглядывая сучковатую корягу, пробормотал Елизарий.

Он осторожно потряс её за конец, но ветка прочно зацепилась за край дранки. Окно, и так маленькое, теперь было полностью перекрыто.

Почесав в затылке, Елизарий пошёл за лестницей. Благо, летом трубочиста вызывал, так и осталась небольшая стремяночка после него. Чем ждать подмоги, лучше уж самому по-быстрому справиться...

В деревне вокруг гармошки то водили хоровод, то пускались в пляс. Иван, стоя в одиночестве у плетня, всё высматривал Марью, но та чего-то задерживалась. Наконец, в группе разнаряженных девчат показалась и она — румяная от мороза, в новом платке под стать красным щекам, в щегольских сапожках.

— А ну-ка, Петька, частушки не забыл? — со смехом спросила она гармониста, подходя ближе.

— Я-то нет, а ты, красавица?

— Ну послушай...

По полу хожу,
Мне не находится,
Я на милого гляжу,
Мне не наглядиться.

— Это на меня, надо полагать? — со стоном стянул гармошку Петька.

— На тебя, на тебя, — загалдели девчата, а Мария снова звонко, высоко заголосила, идя плавным шагом по кругу:

Ох, ох, не дай бог
В солдата влюбляться.
Усы колки, как иголки,
Лезет целоваться.

Ох, ох, не дай бог
С рабочим знаться.
Руки в дегте, сам в вару,
Лезет целоваться.

— Я хоть и солдат, а усы у меня мягкие, — Петька, держа гармошку одной рукой, другой схватил Марью за руку.

— Ну-ка, ты... — подскочил Иван, — не про тебя такая краса.

— Про тебя, что ли? — зло прищурился гармонист, отпуская девушку, — ишь, завидный жених нашёлся...

Иван хотел ответить, но Марья отбежала к девочкам, и он испугался, что опять потеряет её.

— После договорим... Марья! Пстой!

Они отошли в сторонку, провожаемые любопытными взглядами.

— Пошли, в лавку, что ли, зайдём, — предложил он.

— Нет, — Марья потупила зелёные глаза, — пошли будто до церкви...

Иван скривился — не хватало ещё Елизария встретить, но возражать не стал.

Дорожка была протоптана среди сугробов, однако безлюдна — служба кончилась давно, и ходить по ней уже стало некому.

— Не холодно тебе? — чтобы как-то начать разговор спросил Иван.

— Нет... Ты чего хотел-то, Ваня?

— А ты не знаешь? — насупился он.

— Опять за своё? Жениться, что ли? — насмешливо спросила Марья.

Иван вспыхнул.

— Я не отступлюсь! Выходи за меня, слышишь?

— Я-то слышу, — всё ещё улыбаясь, ответила она, — да вот мой отец и слышать не хочет. У тебя в избе одни мыши живут после смерти отца-то. Даже скотинки никакой нет. Мы богатые, а ты кто?

— Кто? — холодея, переспросил Иван.

— А я и не знаю... Чем ты в городе-то занимаешься? Как жену содержать будешь?

— Да я ж из-за тебя в город-то рванул! Говорят, скоро какую-то чрезвычайную комиссию создадут, так я туда хочу записаться. Буду контру всякую ловить, а за это знаешь, какой почёт? Правда, и подстрелить могут, но ради тебя живота не пожалею...

— Живота-а-а? — протянула она, чуть отступая и оглядывая Ивана.

— Тьфу, по-церковному это... жизни, значит. Ради тебя всё вытерплю, Марья, ты, главное, скажи — согласна или нет?

Посерьёзнев, она покачала головой и кивнула на показавшийся за поворотом храм.

— Всё равно без благословения отца нас не обвенчают, Иван. Так что... согласна я или нет — это уж не важно.

Она хотела повернуть назад, но Иван схватил её за плечи.

— Стой, дурочка, ты забыла, что время сейчас другое... — умоляюще-быстро заговорил он, пока она не вырвалась, — что нам твой отец с матерью, что Елизарий... Не нужно ничего этого! Новая власть у нас — брак только гражданский признаётся, а венчание и вовсе не нужно.

— Тебе не нужно, а мне нужно, — Марья высвободила руки. — Ну хорошо, если батюшка согласится обвенчать без согласия родителей, я выйду за тебя...

Иван готов был задушить её на радостях, но сдержался и жарко зашептал:

— Вот увидишь, Машенька, как мы заживём... Всё будет по-новому! В городе будешь первой красавицей! Мне скоро комнату выделят, а уж деньги будут! Я там, знаешь, на каком счету...

— Ладно, ладно, Ваня, — она сделала пару шагов назад и лукаво улыбнулась, показав ровные белые зубки, — если Елизарий благословит, то и я согласна... Побегу, пока не хватились.

Ивану очень хотелось пойти за ней, но, поразмыслив, решил не откладывать в долгий ящик разговор с Елизарием.

От быстрой ходьбы и радостных мыслей он весь взмок. Пот заливал глаза, и Иван чуть не проскочил мимо священника, балансирующего под самой крышей.

— Батя, ты что тут? — Иван в недоумении остановился возле Елизария.

Тот, покрёхтывая, пилил толстый грушевый сук, что крюком зацепился за крышу.

— А, пропащая душа... видишь, оказия...

— Давай помогу, — Иван сбросил рукавицы.

— Да нет, я уж заканчиваю. А ты чего хотел-то? — Елизарий прекратил пилить и посмотрел на него сверху вниз. — Неужто вернуться в храм решил?

— Не дождёшься, — нахмурился Иван. — Я это... попросить тебя хочу, батя.

— Об чём же?

— Обвенчай нас с Марьей.

— О как... — Елизарий помолчал, — ну, я не против... Это даже хорошо, что вы по-христиански хотите, а не по-безбожному... А родители-то её благословляют? Как Михаил Андреевич Кучин-то отнесётся?

— Нет, — мрачно ответил Иван, — но что нам её родители?

— Извини, Ваня, но без их благословения не буду. И не проси, — припечатал он, когда Иван вскинулся.

— Ах вот как! — будто тёмный огонь полыхнул в глазах, — тогда вот тебе!

С этими словами он подбежал к шаткой лестнице, на которой стоял Елизарий, и с силой ударил в неё ногой. Нехотя, будто сопротивляясь, лестница поехала по стене, скребя и цепляясь за брёвна, и всё-таки упала. Охнув, тяжёлым мешком свалился в сугроб и Елизарий. Однако Иван даже не оглянулся. Пылая гневом, он пнул калитку и выбежал на дорогу. Всё было против него, но сдаваться он не собирался.

Глава 3

Морозы из рождественских перешли в крещенские, но в городе Ивану почему-то было всегда теплее, чем в деревне. А может, просто не было нужды стоять в холодном храме, как раньше. Здесь он всегда куда-то спешил по неубранным нижегородским улочкам. Вот и сейчас, не успев приехать, он с утра пораньше уже бежал в штаб Военно-революционного комитета.

Игнат Воробьёв, его наставник, при приёме в штабной отряд всё допытывался, какое у Ивана образование. А какое у него образование — церковно-приходская школа да куча прочитанных церковных книг. Теперь он был почти согласен с Игнатом, что его образование не очень правильное и даже вредное по нынешним временам. Однако на фронте его знания молитв к разным святым очень даже помогало солдатам. Самое удивительное было то, что вроде бы все, кто молился, остались живы.

Когда царь отрёкся всё словно перевернулось с ног на голову. В соседней части солдаты чуть было не забили прикладами насмерть священника. Тот неосторожно начал совестить дезертиров. Несчастливого попа еле-еле отбили офицеры.

В душе Ивана от этого происшествия будто что-то надорвалось. Летними тихими ночами он вылезал из землянки и, глядя на яркие звёзды, пытался осмыслить новую веру — веру в какое-то “светлое будущее”, где будут все равны и счастливы. И оно, это будущее, вот-вот должно наступить, только нужно закончить войну да выгнать последних буржуев из правительства, а ещё зажавшихся генералов и почему-то попов, которые всегда поддерживали царя и наживались на мужиках.

Вспоминая своего отца-священника и отца Елизария, Ивану хотелось возразить Игнату (тот как раз агитировал солдатиков в их полку) — какое там наживались? Еле-еле концы с концами сводили! Но помня своё звание дьячка, крепился и молчал, понимал, что не поверит даже Игнат, хотя тот вдруг взял над ним шефство, словно над сыном. Впрочем, он и не скрывал, что Иван напоминает ему умершего от холеры сыночка.

— Когда Мишка мой помер, я ведь весь мир тогда проклял, — в минуту откровенности поведал Игнат. — Что же за жизнь такая поганая, что родители детей родненьких переживают?

Постепенно, под уговоры Игната, душа Ивана, словно бурная, вольная река, меняла своё русло. Поворот был насильный и сопровождался насмешками и окриками: «Бога нет!», «Религия — опиум для народа!», «Глас Господень — господам годен», — внушали агитаторы. Слушали их по-разному — кто с недоверием, кто хмурился несогласно, но большинство весело, даже с радостью — а что? Бои, считай, закончились, смертушка уж больше рядом не стоит, а дома и без попов хорошо. Иван всё же сомневался. Душа, словно та река, поначалу вздыбилась. Бога нет? Но Он же был — шептало сердце, — когда же Он исчез? На войне Иван Его всегда чувствовал, а уж молился так, как никогда на службе. Может, поэтому его даже не ранило. И всё же большевики чем-то цепляли. Их вера сейчас была сильнее, более живой и действенной, а Бог...

— Пойми, дурья твоя башка, — внушал по-отечески Игнат, присаживаясь рядом в минуты отдыха, — для Бога, даже если Он есть, мы все пылинки. Видал, как мужик зёрна в землю бросает? Скажешь, он каждое зёрнышко в лицо знает? Какое-то птица склюёт, какое-то в земле сгниёт, — мужик плакать не будет. Хлеб всё равно уродится. Хочешь себя так же чувствовать? Сором или пылинкой какой?

Ивану от этих мыслей было грустно. Не хотел он быть ни соринкой, ни пылинкой.

— Не так нужно жить, не так, — горячился Игнат, — за жизнь, за счастье своё бороться нужно.

— С кем?

— Со всеми, — жёстко отрезал он, — и с буржуями, и с генералами вот этими, которые нас на смерть посылают, и с попами...

— А с попами почему?

— Кровь поповская выиграла? Эх, перевоспитывать тебя ещё нужно... Потому что попы завсегда назад тянуть будут, в прошлое, со своими правилами и заповедями, которые только буржуям на руку. Нет, у нас другое учение будет, настоящее! Мы рай на земле строить будем, для всех. Чуешь, какая жизнь тогда наступит? Справедливая, честная...

Повернул Иван свою реку в новое русло. Русло было пока тесное и каменистое. Но ведь и в рай тесен путь — вдруг вспомнилось из прошлой жизни дьячка. Да, не всё было гладко в новой жизни, но он — Иван, — сильный и способный. Справится.

За поворотом показалось внушительное трёхэтажное здание из красного кирпича. Это и был Военно-революционный штаб. Дров не хватало, поэтому во всех кабинетах было холодно, однако Игнат сидел на подоконнике в одной форменной рубаше, подчёркивающей его широкие плечи, и что-то чиркал в блокноте. Увидев Ивана, оживился.

— А, блудный сынок явился — не запылится. У нас дел по горло, а ты всё где-то шляешься. Я, между прочим, за тебя перед товарищами поручился. Ты помогать мне будешь или нет?

Ивану краска бросилась в лицо.

— Буду, конечно, я... это... в деревню ездил. Вот, харчи привёз.

Он поставил на стол полотняный мешок с сухарями и салом.

— Харчи-и-и? Это хорошо, — потеплевшим голосом протянул Игнат и тут же, что-то вспомнив, чиркнул в листок. — Давай, Ваня, садись за стол и пиши...

— Чего писать-то?

Перенёс драгоценную ношу на стул, он с готовностью присел за тяжёлый дубовый стол и взял в руки перо.

— Чисто писать могёшь? Ах, да... ты же у нас дьячок... Ладно, не пыхти, пиши лучше... Заявление на имя Бориса Израилевича Краевского. Прошу выделить в Нижегородскую чрезвычайную комиссию мне следующих товарищей: Михайлова, Брунько, Завидовского... Записал? Та-а-ак... Ну-с, а ты-то пойдёшь в мой отряд?

— Пойду, — хрипло ответил Иван, — я ж тебе сразу сказал.

— Ишь, какой прыткий, — неприятно усмехнулся Игнат, шевельнув чёрными усами, будто таракан, — у меня служить должны самые лучшие, самые преданные революции товарищи. Ты у нас кто в прошлом? Дьячок, служба церковный. А с церковью нам точно не по пути.

— Игнат, ты же меня знаешь! — вспыхнул Иван, бросая перо. — Небось в окопах не очень-то интересовался, кто я был в прошлом.

— Да пойми, парень, не могу я ошибиться.

Игнат тяжёлым шагом подошёл поближе и пронзил Ивана глубоко посаженными карими глазами. Возле крупного носа и чуть раскосых глаз бывшего рабочего словно засела угольная пыль. От этого лицо его никогда не было белым, как у Ивана, а серым, землистым. Подбородок и щёки Игнат старательно выбривал, а вот чёрными усами, видать, гордился, периодически поглаживая их большим и указательным пальцем.

— Чем же моё прошлое тебе мешает?

Придвинул ещё один стул, Игнат уселся напротив.

— Вот, например, товарищ Ленин в своих статьях всегда указывал, что Советской России не по пути с церковью. Читал это?

— Где я мог читать? — покачал головой Иван. — Это ты в газете работал, а не я.

— Чудак-человек, газеты ведь для людей печатают... Ну да ладно... Я-то хоть Пречистенские курсы закончил, а ты приходскую школу. Грамоту разумеешь, да не ту, что нужно. Так вот... Ежели придётся нам попа как контру арестовать, не отступишь?

— Не отступлю, — чувствуя, что бледнеет, ответил Иван.

— А если ценности какие из храма на нужды революции изъять нужно будет? По-твоему это как? Святотатство?

— Это не по-моему, а по-церковному.

— Пусть так... Ну что, смогёшь на такое пойти? Ведь ты же верующий?

— Смогу. Не верю я в Бога.

— Ладно, Ваня, — усмехнулся Игнат, поднимаясь, — пиши в заявлении и свою фамилию. Беру тебя. Давай дальше...

Но дальше писать не получилось. Их прервал робкий стук в дверь. Игнат зычно разрешил, и в кабинет, осторожно ступая и оглядываясь, будто опасаясь шпионов, вошла пожилая женщина. На голове у неё была зимняя серая шляпка и такого же мышиного цвета старое пальто. Обведя глазами Ивана и Игната, она сразу обратилась к последнему.

— Господин... то есть, простите, товарищ...

— Товарищ Воробьёв, — представился Игнат. — Вам чего, гражданочка?

— У меня для вас документы.

В руках помимо дамской сумочки у неё была пачка, завернутая в почтовую бумагу и перевязанная бичёвкой.

— Что за документы? — заинтересовался Игнат.

— Вы уж простите меня... товарищи, а только мне кажется, что вас это может заинтересовать.

— Да вы сядьте и расскажите толком, — велел Игнат, — кто вы, что вы...

Дамочка послушно присела напротив Ивана, но смотреть продолжала только на Игната, безошибочно определив в нём старшего.

— Зовут меня Эльвира Михайловна, я учительствовала в пансионате для девочек. Так вот... снял у меня комнату офицер.

— Офице-е-ер? — протянул Игнат, прищурившись, — когда ж это было?

— Так летом. Да... Можно воды?

Иван метнулся к другому столу и налил в не очень чистый стакан воды. Дамочка подозрительно обсмотрела стакан, но сделала глоток.

— Рассказывайте, рассказывайте, — потерял терпение Игнат, — так что же этот офицер? Живёт ещё у вас?

— Нет, осенью он как-то спешно уехал и, видимо, забыл вот эти бумаги. Там и фотографии, и приказы какие-то, я, честно говоря, не разбираюсь. Просто подумала, вдруг вам это пригодится?

Иван по знаку Игната уже развернул бичеву, и на стол высыпались разнородные бумажки напололам с фотокарточками.

— Ладно, спасибо за бдительность, гражданочка. Можете быть свободными, — Игнат недвусмысленно открыл дверь.

Когда та вышла, Игнат небрежно поворошил пачку.

— Не знаю, что нам может здесь пригодиться, но ты всё-таки просмотри — вдруг что-то стоящее будет. А я пока к Краевскому схожу. Давай заявление.

Вздыхая, Иван принялся сортировать бумаги. В одну стопку письма, написанные мелким, неразборчивым почерком. Здесь наверняка ничего интересного — как здоровье, как дети, как родители... Так... теперь приказы Временного правительства. Тоже старьё... Фотокарточки были в основном семейные — дети с родителями да новобрачные. Видимо, действительно, этот офицер спешил, раз всё бросил. А это что за отряд?

Иван заинтересованно рассматривал многоликую карточку с царскими офицерами, ища знакомые лица. Конечно, никого он не знал. Солдат из окопов приглашали в лучшем случае в

баню да на молитву. Даже обедали частенько в траншеях... Однако лицо чернявого поручика с тонкими усиками в последнем ряду всё же привлекло внимание. Неужто Громов?

В военно-революционном комитете царских офицеров не было, но в милицию, да и в отряды Красной гвардии их брали. Проверяли, конечно, точно ли поддерживают новую революционную власть, но всё ж без них было не обойтись — солдаты не могли заменить опытных командиров. Бывший поручик Громов был как раз одним из них — командовал отрядом красногвардейцев, и в штабе Иван иногда встречал его.

Почувяв добычу, Иван принялся особо тщательно изучать оставшиеся бумаги. Так... это что за расписка? Привычный к церковной вязи, Иван без труда разобрал круглый с украшениями почерк записки, гласившей, что купец Башкиров выделил на нужды белого подполья семнадцать тысяч рублей...

— Семнадцать тысяч? — глупо глядя в пустоту окна, повторил Иван, — да куда ж пошли эти деньжищи?

Ещё покопавшись, он получил ответ — на вербовку и отправку людей в ряды генерала армии Лавра Корнилова.

Дверь резко открылась.

— Ну, пляши, друг, Краевский подписал, хоть и сомневался... — помахал бумагой перед носом Ивана Игнат, — ты чего это? Спишь?

— Игнат, — сипло начал Иван, — у нас в штабе предатель.

— Что-о-о?

— Вот смотри...

Воробьёв озадаченно постукивал узловатыми пальцами по столу.

— Если он предатель — это одно, а если — нет? Мы не можем так, с кондачка, арестовать его. Придётся в Москву телеграфировать, — задумчиво произнёс он. — А ты молодец, Ванька! — он тяжело хлопнул Ивана по плечу. — Не зря всё-таки я за тебя попросил. Если вычислим предателя, считай — кожанка твоя!

В коридоре послышались быстрые шаги, замершие возле их кабинета. Иван посмотрел на дверь, ожидая стук, однако дверь распахнулась бесцеремонно.

— Товарищ Воробьёв? Кирилл Мигулькин в ваше распоряжение прибыл, — бодро рапортовал низенького роста, черноволосый, под стать Игнату, крепыш.

— В моё распоряжение? Это хорошо... И откуда ты такой прибыл, Мигулькин? — усмехнувшись, спросил Игнат.

— Партия прислала... это... с завода я.

— С какого завода-то?

— Фельзера, — вздохнул Мигулькин, нещадно мня в руках выдавшую виды кепку. — Это... латыши в свою Ригу уехали, изробились, так сказать, ну а мы... значит... вот...

— Изробились, это что? — встрял Иван.

— Вот что значит, Ваня, ты не рабочий класс, не понима-а-аешь, — прищурился Игнат, — изробиться — это, можно сказать, надорвались латыши.

— А “значит вот”? — насупился, не сдаваясь, Иван, — по-русски-то умеет он говорить? Закрыли, что ли, завод?

— Ага, надясь закрыли, — с готовностью кивнул Мигулькин, всё ещё стоя возле двери и не понимая, что ему делать, — так что? Берёте... это... к себе?

— К себе жёнку берут, а мы должны подумать, товарищ Мигулькин, подходите ли вы нам? — напустив строгости, ответил Игнат.

— Подхожу, подхожу! Я, знаете, какой это... дюже толковый? Всё могу!

— Читать, писать умеешь?

Крепыш почесал в затылке.

— Умею, но... это... я лучше руками, чем глазами. А у вас курнуть нету?

Игнат похлопал себя по карманам.

— Проходи, садись... Махорка есть. Ты откуда будешь? Местный?

— Не-а, я... это... с Тулы, — Мигулькин оторвал кусочек газетки и ловко свернул папироску, — мы, туляки, здесь на вес золота, — подмигнул он Ивану. — А вообще, насчёт грамотности... Слыхали, как про нас говорят? Туляки народ грамотный, даже пряники писанные едят. Так берёте меня к себе, товарищ Игнат?

— Ладно, берём тебя в команду на испытательный срок. Посмотрим, понаблюдаем. Иван введёт тебя в курс дела. Давайте до конца разберите бумаги и соорудите пожрать. Ваня, ты вроде харчи привёз? Во... фатовый ты, Кирюха Мигулькин, сразу на пир попал.

— Ага, — туляк широко ухмыльнулся, обнажив крупные жёлтые зубы, словно лошадь, — я точно фатовый.

— Ну-ну... Жизнь покажет.

Мигулькин был примерно одного возраста с Иваном, но больше походил на Игната — такой же крепко сбитый, с грубыми, шершавыми руками да широкими плечами — и смотрелся ему словно младшим братом.

“А ведь он видит, что понравился Игнату, — ревниво подумал Иван, — ишь, как скалится... Ну ничего, посмотрим, каков ты в деле.”

Когда Игнат ушёл, Иван скупно рассказал, откуда взялись документы и фотокарточки, и Мигулькин рьяно схватился за оставшиеся бумаги.

— Слушай, а ты сам-то кто будешь? Какого происхождения? Пролетарского? — мимоходом спросил он.

Глаза его смотрели с прищуром, будто оценивающе. Иван набычился.

— Тебе-то что? Боишься, что я этот... буржуй?

— Да не-е, на буржуя ты не тянешь, хотя... руки у тебя больно белые, как у барышни.

— У меня отец священник был, а я дьячком служил... У тебя все вопросы?

Кирилл ухмыльнулся.

— То-то я думаю, кого ты мне напоминаешь? Молодого монашка. А я, между прочим, частушки пишу, и про вашего брата тоже. Хошь послушать?

И не дожидаясь согласия, тут же фальшиво спел:

Нет на свете озорнее
Толстопузеньких попов,
Они грабят, обдирают
Деревенских мужиков!

Ивану кровь бросилась в голову. Недолго думая, он перегнулся через стол и схватил за грудки Мигулькина. Однако тот был сильнее и в ответ крепко схватил его за шею.

— Чего взбеленился-то? Папашеньку узнал? — ухмыляясь в лицо, прошептал крепыш.

Пошарив рукой по столу, Иван нащупал чернильницу и замахнулся... Голову Мигулькина спасла распахнувшаяся дверь. Они оба повернулись. В дверях остолбенело стоял Игнат.

— Вы чего? С ума, что ли, сошли? Чего не поделили-то?

Иван молча отстранился, а Мигулькин, поправив рубашку, оскалился:

— Товарищ Игнат, а чего же вы меня не предупредили, что у нас поповский сынок служить будет? Я ему стишок, так сказать, а он драться... Зачем нам такой-то?

— Какой, товарищ Мигулькин? — строго спросил Игнат, садясь за стол.

— Ну, это... непролетарского происхождения.

— А затем, Кирилл, что в новой России не будет больше классов, все будут равны. Понятно тебе? Или ты хочешь, как при царе, классовое общество?

Мигулькин, пряча глаза, буркнул:

— Ничего я не хочу... Бросается на людей... не дьячок, а собака бешеная.

— Вот что, братцы, отставить ссоры! Собирайтесь-ка на задание. Из Москвы телеграмма пришла — обыск поедом делать. Офицер этот, что у нас служит, сейчас где-то за городом, а мы должны по-тихому у него доказательства поискать и произвести изъятие. Если найдём — молодцы, а нет — будем дальше копать. Контра он, печёнкой чую, — поглаживая усы, задумчиво произнёс Игнат.

Глава 4

Однако тайного обыска не получилось — в квартире бывшего поручика их встретила жена — испуганная маленькая женщина, одетая чисто, но в явно поношенную одежду.

— Из дворяночек небось, — выдохнул в ухо Ивану Мигулькин.

Всю дорогу, что они ехали в кузове грузовика до квартиры, он балагурил, смеша своими частушками, большей частью матерными. Иван поначалу было насторожился, не коснётся ли тот опять скользкой темы его происхождения, но у Мигулькина и на другие темы был немалый запас. Особенно про девок.

— Я смотрю, ты прям знаток женского полу, — вытерев слёзы то ли от встречного ветра, то ли от смеха, заметил Игнат.

— А то, — Мигулькин подбоченился, — я и женат был.

— А жена-то где? — спросил Иван.

— Так кто ж её знает? Я на войну, а она с лавочником каким-то спуталась, да и сбежала. Детей у нас не было — пушай катится, — беспечно махнул он рукой. — Я другую найду.

Видимо, худенькая жена бывшего поручика ему понравилась, потому что Мигулькин вмиг стал похож на кота.

— Вы присаживайтесь сюда, вот и стульчик подходящий...

В комнате царил полумрак. Вещи лежали не на своих местах — будто хозяева готовились к отъезду и решали, что взять с собой. В подтверждении Иван увидел в углу открытый чемодан с небрежно наваленными вещами.

— Скажите, гражданочка, — подошёл к женщине Игнат, — а где у вашего мужа документы?

— Я не знаю, — испуганно пролепетала та, не отрывая взгляд от блестящей в полумраке кожаной куртки Игната, — у него есть архив, но там в основном старые фотографии и письма от матери.

— Покажите, пожалуйста, — вежливо попросил Игнат.

Иван поражался его преображению — никакого напора, сама вежливость...

Покопавшись в архиве Громова, Игнат присел на кушетку и погладил усы.

— Тут нет того, что мы ищем... Гражданочка, принесите водички, а лучше соорудите нам чайку.

Та ушла на кухню.

— Сложно искать, не зная, что мы ищем, — тихо заметил Иван.

— Да хоть что, Ваня, — устало ответил Игнат, — вот ты расписки нашёл, но они двухмесячной давности. Громов может отвертеться — скажет, мол, это в прошлом. Нужны свежие документы. Где они могут быть, а? Не с собой же он таскает... Если их подполье работает, то у Громова и архив должен быть здесь. Но где?

Мигулькин стал резко выдвигать ящики комода, но там было только бельё.

— Может, в чемодане? — заглянул он, однако безрезультатно.

— Архив должен быть не на виду, — протянул Иван, — хотя у них одна комната, думаю, должен быть тайник.

— В полу, что ли? Кирюха, а ты что думаешь, туляк? — наклоняясь, спросил Игнат.

Мигулькин пожал плечами и машинально поправил накренившуюся большую картину какого-то художника. Та почему-то вставала на место туго — будто ей что-то мешало.

— Игнат, а не здесь ли тайник? — сдавленно позвал крепыш.

Мгновенно сообразив, Игнат подскочил сначала к двери и закрыл её, потом бросился помогать уже пыхтевшему с тяжёлой картиной Мигулькину.

— Ваня, ну-ка выйди на кухню да удержи бабу, — велел он, увидев тайник, — ставь сюда картину-то, Кирюха... О, да тут дверца...

Иван скривился, но возражать не стал.

Женщина на кухне уже сделала чай и поставила на поднос три чашки.

— Подождите здесь, пожалуйста, — попросил Иван, — товарищ Игнат... то есть товарищ Воробьёв хотел бы осмотреть комнату без вас.

Мертвенная бледность разлилась по её лицу, и Иван почти пожалел, что Мигулькин нашёл тайник.

Вскоре раздались тяжёлые шаги товарищей.

— Вот чай, как вы просили, — сдавленно предложила хозяйка.

Однако Игнат даже не повернулся к ней.

— Пошли, Ваня, мы всё...

Выйдя на лестничную площадку, он достал из-под куртки пачку листов и, оскалившись, многозначительно показал Ивану.

— Списки офицерья у нас и в Москве. Подполье оттуда тянется. И расписки тоже здесь.

— *Вы, господа, всё пишете расписки, чтоб денежки по ним же получать, но невдомёк вам, буржуинам, что из-за них вас могут расстрелять,* — потирая руки, вдохновился Мигулькин.

Игнат даже приостановился на ступеньках.

— Это ты сейчас сочинил?

— Ага, — выпятив грудь, кивнул крепыш.

— Молодец, талант!

— Нет такого слова — буржуин, — мрачно заметил Иван.

— Завидуешь? Духовного звания, так сказать, а завидуешь. Грех это, — показывая неровные зубы, протянул крепыш.

— Да пошёл ты, — отвернулся Иван, вдруг почувствовав тоску.

Ему явно не нравилось ни то, что они делали, ни компания напарника. Мигулькин, когда улыбался, становился похож на глупую лошадь, однако лошадью, которую вот-вот забьют, почему-то ощущал себя Иван.

Вечером в тот же день поручика Громова арестовали. Игнат потирал руки от удачи.

— Такое дело раскрыли... Ишь, контра... Прямо в сердце, можно сказать, забралась к нам... Краевский к награде обещал представить.

— Товарищ Игнат, так может, мы это... того? — ухмыляясь, Мигулькин недвусмысленно пощёлкал по горлу, — отметим, так сказать?

Игнат мгновение смотрел, не мигая.

— Хорошее предложение... А у нас и закусок есть, да, Ваня? Доставай...

К богатому по нынешнему времени столу подтянулись чекисты и с других отделов. На минуту забежал Краевский, выпил, кратко поздравил, почему-то косясь на Ивана, и быстро убежал. Мигулькин стал душой компании, травя без остановки то анекдоты, то частушки собственного сочинения. Ребята гоготали, а Ивану вдруг показалось, что он снова на фронте, и на сердце вползла смертная тоска. Самогон не помогал — веселее не становилось. Будто почуяв его состояние, Игнат подсел рядом и приобнял за плечи.

— Чего приуныл, Ваня? Можно сказать, герой, а рожа кислая.

— У меня не рожа, а лицо, — огрызнулся он, повышая голос из-за гогота за соседним столом.

Игнат сверлил его тёмными глазами совсем близко. Сквозь сизый дым от папиросок лицо его было едва видно.

— Да, браток, непривычно тебе с нами, понимаю. Хоть и повоевал ты, потянул солдатскую лялочку в окопах, а дух поповский в тебя вьелся сызмальства. Как ты будешь служить-то у нас? Тебе ж все здесь чужие. Зачем ты здесь?

— В люди выбиться хочу — вот зачем, — пробурчал Иван, — жениться хочу на... одной... А она за бедняка не выйдет.

— Эх, Ваня, если б ты не был так похож на моего сыночка да ума поменьше было бы, то и не взял бы я тебя в свой отряд, — Игнат снял руку с его плеча и потянулся за стаканом, — нет, не взял бы... Видишь, ты всё о земном, о матерьяльном, так сказать...

— А вы о небесном, что ли? — ухмыльнулся Иван.

— Нет, мы... об идее, понимаешь? Нам небо не нужно с вашим Богом, нам земля нужна, но с нашими законами и идеями.

— К-какими же идеями? — тоже глотнув мутного самогона, спросил Иван.

— Идеей справедливого мира. Ладно, не бойсь, я из тебя сделаю человека... Ты вроде у нас гра-а-амотный... Небось и Достоевского читал? — вдруг пьяно выдохнул Игнат прямо в лицо Ивану.

Иван от неожиданности отпрянул.

— Кого?

— Чо смотришь? Думаешь, я книжек не читал? Читал, ещё как... После революции пятого года в Трубецком бастионе, в одиночке сидел до суда. От тоски всё перечитал... Эх, Ваня, не понимал твой Достоевский...

— Почему он мой-то? — пьяно стукнул по столу Иван.

— Тише, тише... Почему твой? Ну не твой, ладно... Хотя нет, твой, поповский. Моего любимого Раскольникова-таки к покаянию, так сказать, привёл... Тот сначала, конечно, сильно проявил себя — гадину-процентщицу топором зарубил, а потом слабину дал.

— Так тебе Раскольников нравится?

— А тебе нет, что ли? Ты хоть читал книжки-то или всё в своих церковных талмудах копался?

— Читал, — огрызнулся Иван, — пограмотней тебя буду. В церковных книгах разобраться — не фунт изюму съесть. И чем тебе этот убивец полюбился?

— Он же настоящий революционер, Ваня! Правильно он рассуждал, ох и правильно... Я даже, помню, выписал для себя, чтобы разобраться хорошенечко. Ведь как он своим Разумихину и следователю этому, Порфирию (тоже, кстати, занятный старикашка, ловко допрашивает!) излагает, мол, преступления великих людей *относительны и многообразны*... — Игнат на мгновение замолк и мысленно посмаковал эпитеты, — и требуют они разрушения настоящего во имя будущего. Чуешь? Мы-то то же самое говорим. Во-о-от, без разрушения никуда. А Раскольников дальше идёт: *«Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь...»*

— Так и написано? — засомневался Иван, — ты наизусть, что ли, шпаришь?

— Я ж говорю тебе, дурачок, заучил в одиночке сидючи... Что мне там делать-то ещё было? Хоть с Раскольниковым поговорил... Умный был парень. Только не пришло его время, эх, не пришло, вот и не поддержал его никто. Софья — ещё та дурочка, из-за папаши на панель пошла. Да-а, времечко такое было... Ну ничего, мы новый мир построим. И Раскольниковых нам нужно побольше — первосортных, так сказать, людей.

— И как же определить, кто первый сорт, а кто второй?

— Да очень просто, — Игнат оскалился, показав крупные желтоватые прокуренные зубы, — кто не согласен терпеть эту жизнь, борется, тот и достоин лучшей жизни, а кто терпит... Знаешь, как таких блатные называют? Терпилы. Ты-то кто, Ваня, есть ли у тебя силушка внутри?

— Есть! Я не терпила, — со стуком ставя стакан, отрезал Иван.

— Верю, верю, не зря я на тебя глаз положил ещё там, на фронте... По виду ты тихий, а внутри зверь в тебе, точно как у Раскольникова, да и у меня, — усмехнулся Игнат. — Поэтому ты и глаза прячешь. Ну-ну, не скидывайся, это твоё дело. Даже лучше, что не раскрываешься всякому. Только я тебя всё едино читаю... Сразу заприметил, что ты Мигулькина ко мне заревновал. Так ведь? Так... Но он тебе не соперник и не враг. Враг у нас один — контра... Сделаю я из тебя человека, Ваня, гадом буду, но сделаю. Ты мне вместо сына. По родному отцу-то не скучаешь?

Иван вспомнил ушедшего в вечность старичка. Будто в другой это жизни было...

— Вспоминаю, да редко. Как на фронт ушёл, так мы больше и не свиделись. Отец Елизарий его схоронил.

— Елизарий... Это кто? Поп ваш деревенский?

— Да, — неохотно подтвердил Иван.

В пьяной памяти отчётливо всплыло, как он в ярости выбил скамейку из-под ног батюшки... Что с ним тогда стало? Щёки от стыда загорелись, но Игнат в сизом дыме ничего не заметил.

— Слушай, а храм-то у вас большой? Оклады там ценные есть? — понижая голос, спросил Игнат.

— Да всё старьё, иконы — доски, — отмахнулся было Иван, но осёкся: — ах, да... недавно деревенские скинулись да сделали на Богородицу большой серебряный оклад.

— Серебряный? Большой? — Игнат, казалось, протрезвел, — чего ж ты раньше молчал?

— А что?

— Да то, что страна наша молодая в средствах нуждается, а попы, ироды контрреволюционные, серебро да золото по тайникам прячут. Нам нужно этот оклад экспроприировать. Я, кстати, тут ещё про некоторые храмы узнаю по округе, и поедем на изъятие церковных ценностей.

Иван прикусил губу, боясь даже представить, как отреагируют на это деревенские и батюшка Елизарий. Словно зверь, Игнат учуял опасность.

— Чего напрягся, Ваня? Ты должен решить — с кем ты? С нами или с попами? Сейчас решай, сейчас! — крикнул он так громко, что гомон на секунду прекратился и все посмотрели на них.

— Да с вами я! Допёк ты меня допросами! — в ответ разъярился Иван.

Только кричал он не столько на Игната, сколько на свою совесть, что больно сжала грудь.

Глава 5

В Нижний Новгород Елизарий ехал наполовину со страхом, наполовину с грустным любопытством — что-то ещё изменилось в некогда купеческом богатом и шумном городе?

Перво-наперво поразило неустройство городских улиц. Между сугробами, по “козьим тропам” гуськом продвигались люди, опасливо поглядывая наверх, где грозными хрустальными копьями свисали сосульки. Ненамного лучше была ситуация на дороге. Трамваи выстроились таким же гуськом — электричество всё время отключалось.

Исчезло бывшее оживление, что бывало на Масленицу. Не звучала из трактиров музыка, не витал запах блинов. Сталкиваясь на узких тропинках, люди опасливо прятали взгляд. С приходом к власти большевиков в душах горожан всех мастей поселился страх. Власть опасалась вооружённого восстания, а люди боялись власти. Словно лесные хищники, вооружённые отряды рыскали по городу в поисках противников революции. То тут, то там со зверским рёвом из-за пробуксовки в снежной грязной каше, проезжал грузовик, оцетинившийся штыками сидевшего в нём отряда.

— Куда ж всё катится, Господи? — бормотал Елизарий, осторожно ступая на скользкий тротуар, весь покрытый ледяными кочками.

Ответа на этот вопрос не было ни у кого.

Пару раз чуть не упав, Елизарий всё-таки дошёл до архиерейского домика. Владыко Иоаким встретил его тепло, но выглядел уставшим и необычайно вялым. Голубые глаза немолодого архиерея словно потускнели, а борода и волосы потеряли всегдашнюю ухоженность — седые волосы растрепались и торчали в разные стороны. Странно и неуютно выглядело и жилище Владыки. По углам, прямо на полу, лежала одежда вперемешку с обувью.

— Проходи, отец. Удивляешься беспорядку? Не дивись, отче, на днях у меня обыск был... Да, да, оружие искали. Так было сказано. Всё перевернули вверх дном. Мы с Николаем только-только чуть разгребли вещи по углам. Думаю, что не оружие им надобно было, а золото-серебро. Видишь, панагию отобрали и продукты все унесли. Хочу тебя чаем угостить, да только не с чем.

— Зато у меня есть, Владыко, — обрадовался Елизарий, что может поддержать собрата, — я ж из деревни. Мне мои бабоньки в дорогу насобирали...

Служка молча принёс чайник и подбросил в печку хилых поленьев. Теплее особо не стало, но от вида огня и угощения стало повеселее.

— Я тебя вот чего вызвал, отец, — начал Владыко, — был я на соборе в Москве, как ты знаешь... Так вот... Святейший написал воззвание. Читал? Велено распространить среди всех священников. На, держи...

Елизарий присел и вдумчиво прочитал то, о чём и сам думал уже не первый месяц. *“Враги церкви захватывают власть над нею и её достоянием силою смертоносного оружия, а вы противопоставьте им силою веры вашего всенародного вопля... что не имеют они права называть себя поборниками народного блага... ибо действуют даже против совести народной... Немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброй волей становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу святого воодушевления, и мы твёрдо уповаем, что враги церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова...”*

— Значит, Патриарх призывает создавать духовные союзы, — задумчиво протянул Елизарий, — да разве ж это возможно?

— А ты сомневаешься, отец? Думаешь, не встанет на защиту церкви твоя паства?

— Не знаю, владыко, — покачал головой Елизарий, — верующих всегда было мало. Женщины многие веруют, да только какие из них защитники? А мужики... Не ведаю. А тут ещё и хворь на деревню навалилась — тиф. Мор у нас, — вздохнул он.

— Да, беда, — пригладил бороду архиерей, — ну, не скорби, отец. Время такое пришло, что, может, и пострадать придётся.

— Неужто, как в первые века гонения-то будут?

— Похоже на то, — почему-то шёпотом, оглядываясь на дверь, ответил Владыка, — говорят в Петрограде Лавру у верующих отобрали, Владыку Вениамина арестовали, а некоторых священников и вовсе расстреляли.

Пока они чаёвничали, в домик архиерея пожаловал ещё один гость — игумен Оранского монастыря. Знал его и Елизарий. Втроём вроде как веселее стало. Однако и у игумена новости были невесёлые.

— Да, братья, без Божией помощи нам эти испытания не сдюжить. Слышал я, что в Бахмустском уезде близ Екатеринослава большевики... — он оглянулся на дверь, — гм... так вот... большевики арестовали отца Михаила Попова и хотели заставить служить панихиду по самому себе...

— А он что? — спросил Елизарий.

— Он отказался, но его всё равно застрелили.

— Зря отказался, — секунду подумав, брякнул Елизарий, — я бы отслужил.

Владыко поперхнулся чаем, а игумен невесело усмехнулся.

— Может, ещё и отслужим.

— Ну, мне пора, владыко, — засобирился Елизарий, — ещё приятеля навестить нужно, Поликарпа Петровича.

— Полицмейстер который? Господи, помилуй, — перекрестился архиерей, — если не арестовали твоего приятеля, то это большая удача.

Елизарий засуетился.

— Вот и узнаю. Душа истомилась от страха за него. Благословите, пойду...

Домик Поликарпа Петровича внешне не изменился. Крупный белый пёс сначала хрипло погавкал, а потом, узнав Елизария, застучал хвостом по будке.

— Что, Дружок, дома ли хозяева? — постарался весело спросить Елизарий, но в душе уже что-то защемило. Обычно в этот момент сразу радушно отворялась дверь, а сейчас стояла тишина. Жив ли Поликарпушка?

Елизарий негромко постучал в дощатую дверь. Кто-то подкрался почти неслышно.

— Кто там? — раздался голос жены полицмейстера.

— Лизавета Михайловна, это я, отец Елизарий.

Охнув, женщина распахнула дверь.

— Батюшка, вот нежданная радость, проходите, проходите...

— Дома ли Поликарп? — почему-то понижая голос, спросил Елизарий.

— Дома, дома, — так же тихо ответила хозяйка, оглядывая заодно улицу, — к двери не подходит, прячется в дальней комнате. Боимся арестов. Сейчас позову...

Однако полицмейстер, услышав, сам уже шёл навстречу.

— Гость дорогой, отец Елизарий, как мы рады, — обнимая, растроганно произнёс Поликарп.

Его басистый, всегда звучный голос теперь звучал приглушённо, тускло, да и весь он был каким-то помятым. Они прошли в гостиную.

Сразу бросилось в глаза, что занавески были плотно зашторены, а на столе горела единственная керосиновая лампа.

“Темно, как у меня в домике”, — подумал Елизарий. Поликарп словно прочитал его мысли.

— Керосин экономим, да и... — он замялся, — честно говоря, прячусь я.

— Да я уж понял, — кивнул Елизарий, — неужто так всё плохо?

Они сели за стол, и хозяйка тут же принялась сооружать нехитрое угощение.

— Чайку? Вот кстати бараночки сегодня купила. Угощайтесь, батюшка.

Но Елизария больше угощения волновало положение друга.

— Расскажи, Поликарп, почему прячешься?

Тяжело вздохнув, полицмейстер потёр лицо и, уставив на Елизария карие глаза, выдавил:

— Жена всем сказала, что я в Петроград уехал, а иначе... давно бы меня уже того... к стенке...

— Да за что же, Поликарп? Кто? Неужто люди к тебе плохо относились? Ведь знаю, что не забижал ты никого.

— Не забижал того, кто невиновен, а сейчас-то кто при власти? А? Правильно... те самые разбойники, против которых я и боролся всегда. Не один уж грозился отомстить. Слышал, как в Петрограде-то расстреливали жандармов? Нет? А я слышал... Мне вон приятель... ну, ты у него до войны на Гороховой был... ага, майор... написал, что тоже насилу спасся. Пишет, нападали на нашего брата толпой, потом без суда и следствия либо штыками забивали, либо в Неве топили. Так уж не знаю, остался ли кто в живых из столичных полицмейстеров.

— Так как же власть без жандармов обойтись сможет?

— Свою они милицию сделали. Слышал? Только кто там служит? Солдатики без опыта оперативной работы, из крестьян, да ещё и баб в обязательном порядке берут. Ну не смех ли?

— Да-а-а, — протянул Елизарий, — а что у нас? Так же?

— Так, всё так, — уныло махнул рукой Поликарп. — Говорят, что пытались было наши к ним в милицию поступить, мол, полезны новой власти хотим быть. Ведь не смогут они без нас! Не смогут! Каких дел наворотили — постановили расстреливать шпану на месте. Воришки да гопники раньше оружие в руки не брали, так теперь и те стали с оружием грабить, чтоб уж не пропадать зазря. Разве это дело? Наши жандармы да прокуроры пытались достучаться до разума, но куда там... Вы, говорят, граждане ненужные новому государству, поэтому и в правах поражаетесь. Прихвостни царского режима — вот кто мы. Ведь меня так и арестовали раз...

— И что же? — встрепенулся Елизарий, — выпустили?

— Ага, — улыбнулся Поликарп, — соседи заступились.

— Соседи?

— Чего же вы удивляетесь, батюшка? — вступила в разговор хозяйка, подсев к ним за стол, — ведь как царь-то отрёкся, Керенский, что б ему пусто было, всю шпану из тюрем повыпускал. Мой Поликарпушка сразу отряд из офицеров создал. Всю нашу улицу защитил, а потом и соседние улицы по нашему примеру так сделали. А как арестовали его, так соседи к тюрьме пришли, не побоялись, прошение подали, а потом несколько дней караулили, пока не выпустили.

— Чудеса, — улыбнулся Елизарий.

— И не говори, отец, — кивнул полицмейстер, — но это, думаю, по-первости они так... сплеховали. Теперь уж не выпустят. Зубы у новой власти растут с каждым днём. Не зубы, а клыки. Кровашку уже распробовали, теперь не остановятся.

Полицмейстер замолчал. Молчал и Елизарий. Как всё изменилось за этот год — жили-не тужили, вдруг одна напасть за другой, и людей как подменили...

— Ну а у тебя-то как в деревне? — очнулся от тяжких дум Поликарп.

— Да вроде всё по-старому пока, — осторожно ответил Елизарий, — правда, власть новая венчание отменила. Мы, священники, теперь тоже не нужны стали. А разводы — разводись сколько душе угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.